

©1995 г.

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД - ФИНАНСИСТ И КУЛЬТУРТРЕГЕР

Беседу с Генеральным директором Российского гуманитарного научного фонда Евгением Васильевичем СЕМЕНОВЫМ ведет заместитель главного редактора журнала Александр Иванович ЗИМИН.

А.З. Евгений Васильевич, последнее время в среде обществоведов много говорят об учреждении Российского гуманитарного научного фонда. С ним связывают надежды на улучшение весьма незавидной участи общественных и гуманитарных наук, нынешнего положения ученых. Вместе с тем приходится слышать и скептические высказывания в его адрес. Не могли бы Вы рассказать о том, что представляет собой этот фонд, какие цели и задачи он перед собой ставит и на что с его созданием могут рассчитывать гуманитарии?

Е.С. Российский гуманитарный научный фонд образован решением правительства Российской Федерации в сентябре 1994 г. Это событие, возможно, одно из наиболее важных в жизни гуманитарного научного сообщества страны в последнее время. У истоков создания Фонда стояла большая группа ученых, обратившихся весной прошлого года с письмом в правительство и Министерство науки с предложением создать на основе гуманитарной части Российского фонда фундаментальных исследований самостоятельный научный фонд с несколько иными, более широкими функциями, с большим учетом специфики гуманитарной науки, но в то же время построенный по образцу РФФИ, поскольку опыт этого фонда имеет огромное значение для российской науки.

В числе инициаторов создания нового фонда были очень известные люди: академики Дмитрий Сергеевич Лихачев, Александр Александрович Фурсенко (Санкт-Петербург), Николай Николаевич Покровский, Анатолий Пантелеевич Деревянко (Новосибирск), большая группа московских ученых, прежде всего Никита Ильич Толстой, Валентин Лаврентьевич Янин, Владимир Николаевич Кудрявцев, Михаил Леонович Гаспаров, Евгений Петрович Чельшев и другие. Идею Фонда поддержал и математик, известный, впрочем, своими работами в области русской иконописи, Борис Викторович Раушенбах. Участвовал в подготовке и написании письма Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Создание Фонда поддержали практически все гуманитарии, входившие в Совет Российского фонда фундаментальных исследований. Идея самостоятельного гуманитарного фонда была выношена ими.

В гуманитарной науке нет той строгой грани между фундаментальными и нефундаментальными исследованиями, которая существует в точных. Так, многие историки считают, что важнейшей задачей развития их науки сейчас является публикация исторических документов, так как в последнее время расширился доступ к материалам архивов. Но публикация этих материалов в общенаучном фонде не воспринимается как задача фундаментальной науки. Это же относится в целом к издательской деятельности. Во многих отраслях естествознания, технических наук, исключая, может быть, только описательные области, типа общей биологии, нормальным считается, когда человек выполняет работу и публикует статью в научном журнале. В описательных же науках, а гуманитарные, как правило, относятся к таковым, результаты не могут быть изложены только в научных статьях. Здесь необходимы

словари, какие-то большие своды знаний типа энциклопедий, монографические публикации и т.п. Эта деятельность в рамках самостоятельного гуманитарного научного фонда может получить большую поддержку.

Для гуманитарных наук также очень важно, что они обращены не только к специальному читателю - самому научному сообществу, но и ко всему обществу. Задача распространения гуманитарных научных знаний стоит для гуманитарных наук более остро, чем для других. Поэтому новый фонд является не фондом фундаментальных исследований в области гуманитарной науки, а гуманитарным научным фондом, где решаются и такие прикладные задачи науки, как распространение гуманитарных научных знаний в обществе, включая широкую поддержку издательской деятельности, журналов (поскольку коммуникация сейчас находится в очень плохом состоянии), научных школ и т.д. Это главные преимущества самостоятельного фонда.

К этому, наверное, следует добавить и то, что в Совете фонда фундаментальных исследований не могло быть много гуманитариев. В результате не все области гуманитарного знания вообще были представлены, не говоря уже о направлениях, научных школах, регионах. Наличие же самостоятельного совета фонда, самостоятельных экспертных советов (в РФФИ был только один совет по гуманитарным наукам; теперь у нас сформированы четыре) заметно повышает профессиональный уровень проводимых конкурсов. Практически весь цвет научного сообщества страны участвует в проведении этих конкурсов, в принятии решений о финансировании наиболее важных на данный момент проектов.

А.З. Как я понимаю, серьезных проблем при разграничении сфер влияния с РФФИ не было и раздел произошел по взаимному согласию сторон?

Е.С. В РФФИ руководство фонда и его совет покровительственно и благожелательно относились к гуманитарным наукам. Это выражалось, в частности, в том, что гуманитарные науки в Российском фонде фундаментальных исследований имели такую же квоту финансирования, как, например, математика или химия, то есть гуманитарные науки не ущемлялись. Многие члены Совета фонда и прежде всего директор-организатор РФФИ академик А.А. Гончар, теперешний председатель фонда академик В.Е. Фортов лично и с большим интересом относились к гуманитарным исследованиям.

Нам удалось найти такое решение, которое устраивает оба фонда и, что важно, идет на пользу делу, соответствует интересам научного сообщества. Часть (количественно небольшая) гуманитарной тематики - а именно те проекты, которые тесно сопряжены с точными науками: некоторые экономико-математические исследования, работы, связанные с антропологией, палеоботаникой, науками о земле, остаются в РФФИ. И гуманитарии, со своей стороны, только благодарны Фонду фундаментальных исследований, что он берется осуществлять финансирование и экспертизу их проектов. Более сложных проблем при делении и организации нового фонда просто не оказалось. Часть сотрудников РФФИ (гуманитарный отдел, организационный и издательский отделы) перешла в новый фонд и составила его основу. Это является, на мой взгляд, благом для нового фонда, поскольку способствует сохранению традиции и преемственности в работе.

А.З. Вам по линии фонда наверняка приходится соприкасаться со многими академическими структурами - теперь наверное теми, которые курируют развитие социального и гуманитарного научного знания. Как предполагается строить с ними отношения?

Е.С. С Академией наук Фонд строит свои отношения так же, как строит свои отношения с ней РФФИ. Дело в том, что в разных странах мира существует в принципе одна и та же система финансирования. В науке финансируются организации, имена и идеи. Финансирование организаций - это базовое финансирование. Оно всегда является основным. Финансирование, осуществляемое государством Академии наук, относится именно к этому виду. Дополнительно в науке финансируются имена. Это могут

быть премии, стипендии — от Нобелевских премий до стипендий выдающимся ученым. Финансируются также идеи, то есть проекты или научные программы.

Опыт других стран показывает, что фонды всегда связаны с финансированием либо имен, либо идей. Такое финансирование не бывает главным. Оно дополнительное, существует не вместо и не взамен базового. Оно не бывает количественно преобладающим, но в то же время чрезвычайно важно, поскольку позволяет поддерживать «тонкие структуры» науки, поисковые исследования, исследовательские группы, которым трудно пробиться через административную иерархию в научных учреждениях. Благодаря фондам ученые могут апеллировать к научному сообществу, а не к административному начальству. И если они выигрывают конкурс, то получают научную и финансовую поддержку, которой не получили бы через научную иерархию, через институты и другие структуры, ведущие научные исследования.

В этом смысле мы с Академией наук являемся взаимодополнительными структурами. Благодаря появлению Фонда Академия (хотя Фонд финансирует не только академическую науку, и сам он является самостоятельной организацией) получает дополнительное финансирование и, что важно, получают это финансирование не организации, не институты, а исследователи и отдельные группы.

В совете Фонда большое число академиков, однако они входят в него не по должности, а как выдающиеся ученые. Вице-президент РАН В.Н. Кудрявцев — главный куратор общественных наук в рамках РАН, — также является членом совета, что позволяет нам координировать свою политику, хотя у нас в Совете Фонда есть и представители других структур — Госкомвуза (В.Д. Шадриков), Министерства науки (Б.Г. Салтыков), Министерства культуры (Е.Ю. Сидоров), с которыми мы также согласуем планы и деятельность.

А.З. Это все на уровне администрации, а как конкретно будут строиться отношения между Фондом и теми коллективами, людьми, которые решатся выдвигать на конкурс свои проекты? .

Е.С. Конкурс - это как раз самая важная часть нашей работы, поскольку независимая экспертиза, конкурсный отбор, позволяют Фонду выявить и определить те гуманитарные проекты, которые заслуживают приоритетной поддержки. И это - большое благо, что решение принимается самим научным сообществом. В РФФИ сложилась такая форма экспертизы, которая сейчас воспроизводится и у нас. В принципе она строится по аналогии с экспертизой в таких известных организациях, как Национальный научный фонд США, Немецкое научно-исследовательское общество

В РГНф экспертиза включает три уровня. Высший уровень - это Совет Фонда, принимающий окончательное решение по всем вопросам. Этому предшествует работа экспертных советов по различным направлениям науки. У нас их четыре. Действуют экспертные советы по филологии и искусствоведению, по истории, по экономике, по социальным наукам (включая философию, психологию, педагогику, социологию, политологию и право). Последний, пожалуй, самый сложный по составу совет и, возможно, в перспективе он будет делиться на два. Но начинается экспертиза всех поступивших в Фонд заявок с работы экспертов фонда, не являющихся членами экспертных советов. Любой проект, представленный в Фонд, поступает сначала на предварительную экспертизу двум экспертам, являющимся специалистами непосредственно по той тематике, которой этот проект посвящен. Эксперты работают в условиях конфиденциальности. Разглашать информацию никто не имеет права, поскольку опыт работы убедил нас в том, что бывают случаи воздействия на позицию и решение экспертов. Для защиты будущих грантодержателей и устанавливается принцип конфиденциальности.

Далее проект с результатами первичной экспертизы поступает в экспертный совет, где члены совета вместе, сообща принимают по нему решение. После этого проект с решением экспертного совета поступает на совет фонда, который и принимает окончательное решение о финансировании.

Благодаря такому фильтру значительно повышается уверенность в том, что результаты экспертизы объективны. Влияет на это и то, что принимают решение именно высококвалифицированные, активно работающие ученые. При этом РГНФ так же, как и РФФИ, избегает привлекать с качестве экспертов даже высококвалифицированных специалистов, занимающих административные посты.

А.З. Во всем мире существует проблема научных школ, выработки этими школами оригинальных направлений исследований. Существует и достаточно острая проблема взаимоотношений между школами. Каково отношение Вашего Фонда ко всему этому? Как Фонд предполагает строить свои отношения с научными школами?

Е.С. Финансовая поддержка научных школ, а это наиболее тонкие и важные структуры современной науки, - чрезвычайно сложная задача. Дело в том, что научные школы имеют слабое институциональное выражение, т.е. они часто незаметны, непонятны их границы, трудно определить, что является школой, а что нет, что собственно поддерживать. Задача поддержки институтов, журналов проще, потому что здесь ясно, что речь идет о структурах, имеющих институциональное оформление.

С научными школами сложнее. Очевидно, что именно они обеспечивают генерирование нового знания. Формирование новых научных школ - процесс очень медленный, сложный и даже таинственный. Ликвидация же их может происходить весьма быстро. Отъезд из страны главы школы часто означает, что школа закончилась и, возможно, восстановить ее больше уже не удастся. Это наносит науке невосполнимый ущерб, последствия которого современниками не всегда даже осознаются.

Поддержка научных школ или проектов, выполняемых ими, решает попутно ещё одну задачу, а именно - поддержку научной молодежи. Хотя конкурс в РГНФ проводится без учета должностей, степеней и знаний, однако реально побеждают на конкурсе все же люди, имеющие уже официальное научное признание. Объясняется это тем, что конкурс не имеет анонимного характера. Поэтому те, у кого уже есть имя в науке, пользуются определенным преимуществом. А не является конкурс анонимным потому, что это конкурс не готовых результатов, а только заявок, замыслов. И здесь очень важно оценить, стоит ли за замыслом какое-то реальное подкрепление, может ли замысел быть реализован именно этой научной группой? Поэтому человек, выполнявший уже работы такого типа и уровня, имеет некоторое преимущество по сравнению с молодым человеком, у которого нет еще опыта и которому научное сообщество меньше доверяет.

Но поддерживать научную молодежь необходимо. И такая поддержка может быть осуществлена именно через научные школы. Если научный проект, а это может быть заложено в условиях конкурса, выполняется научной школой, руководимой человеком, вызывающим доверие у научной общественности, то финансирование может достигнуть и молодежи - включая аспирантов и даже студентов, силами которых такой проект будет выполняться и которых руководитель привлечет для выполнения данного проекта. Наш фонд совершенно твердо планирует широкую поддержку научных школ и научной молодежи.

А.З. Социологов в данном случае интересует прежде всего то, как будут складываться отношения непосредственно с социологией? Здесь сейчас все очень и очень непросто. Скажите, пожалуйста, ситуация в социологии и перспективы этой науки как-нибудь обсуждались в Фонде, есть ли какие-нибудь соображения относительно ее развития?

Е.С. Я бы попробовал шире ответить на этот вопрос, чем Вы его ставите. На мой взгляд, социология в РФФИ поддерживалась непропорционально высоко по сравнению с другими гуманитарными дисциплинами. Дело в том, что в прошлом году на конкурс поступило всего 49 заявок по социологии, из которых 20 получили финансирование. Это очень низкий конкурс, пожалуй, самый низкий среди общественных дисциплин. Исходили из того, что заявок по социологии поступило очень мало, качество их было высоким, учитывалось и то, что социология является отраслью науки, нуждающейся в

большой целенаправленной поддержке, поскольку в российском обществе сейчас происходят чрезвычайно важные процессы, которые нужно изучать, и социологи являются одной из небольших профессиональных групп, которые и занимаются изучением этих важных для России (безотносительно от положительной или отрицательной оценки) исторических процессов. Социологи в Совете Фонда представлены чрезвычайно квалифицированными людьми. Это Ю.А. Левада и В.А. Ядов. В экспертном совете десять известных российских социологов из Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска, представляющих разные научные школы. Фонд в принципе отказывается от поддержки каких-то проектов по соображениям вкусовщины или иным соображениям ненаучного характера.

Избежать этого можно только привлекая представителей разных научных направлений. Это нами делается. Функции координации этой деятельности мы стараемся доверить людям, менее активно участвующим в групповой борьбе, т.е. тем, кому с большей готовностью будут доверять представители разных школ и направлений. С социологией проблем не больше, чем с другими дисциплинами, поскольку в гуманитарных науках вообще существуют весьма сложные отношения между различными школами, отягощенные не только научными разногласиями, но и влияниями идеологического и даже политического характера. Фонд принципиально воздерживается от каких-либо идеологических и политических пристрастий, это же научный фонд, который руководствуется только научными соображениями. Это наша принципиальная политика, практическая позиция, которая закрепляется и в том, на каких специалистов фонд опирается в принятии своих решений. В этом смысле мы абсолютно уверены, что оценки и социологических проектов, поступивших в наш фонд, будут максимально объективны, насколько вообще могут быть объективны и беспристрастны люди в своих решениях.

А.З. Меня, как журналиста, чрезвычайно интересует вопрос о возможных взаимоотношениях, возможном сотрудничестве между Фондом и научными гуманитарными журналами. Скажите, пожалуйста, есть ли какие-нибудь конкретные соображения относительно этой стороны гуманитарной деятельности?

Е.С. Это сфера, где мы должники. Журналы бедствуют. Фонд это прекрасно понимает. И мы пытались уже в какой-то степени решать вопросы поддержки журналов в рамках РФФИ. Там это оказалось сложнее делать, но после создания самостоятельного гуманитарного научного фонда мы сможем гораздо быстрее и эффективнее оказывать поддержку по крайней мере ведущим гуманитарным изданиям страны. Одной из первых акций нового Фонда явилось выделение 700 миллионов рублей ведущим научным журналам, за счет которых держатся целые научные отрасли, научные дисциплины. И, разумеется, Фонд на этом не остановится.

А.З. Весьма отранно это слышать.

Е.С. Поддержка эта будет целевой. Фонд не станет давать деньги на номера, на зарплату, на какие-то неконтролируемые платы. Но можно выделить деньги журналам в виде целевого финансирования, позволяющего поднять их технический уровень так, чтобы они выходили на стадию самостоятельной подготовки оригинала-макета, имели множительную технику, факсы, другую необходимую для нормальной работы аппаратуру. Фонд пытается выполнять по отношению к научному сообществу функцию не только финансиста, но и культуртрегера. Это же относится и к поддержке журналов, в том числе и социологического профиля.

А.З. Будем надеяться, что так оно и произойдет. Евгений Васильевич! Разрешите поблагодарить Вас за весьма содержательную беседу и пожелать Российскому гуманитарному научному фонду поскорее встать на ноги, набрать силу и развернуть свою работу во благо развития отечественной гуманитаристики.